

БЕЛАЯ ЛОШАДЬ

Оригинал здесь: [Электронная библиотека Яблчанского.](#)

Пошевеливая вожжами, землемер рассеянно слушал ладный топот копыт по гладкой августовской дороге.

Еще светло было, и дорога, убегавшая на восток, казалась фиолетовой.

Землемер смотрел в даль, где поля замыкались линией чугунки, курил и приятно пьянел от несвязных певучих мыслей.

Уже по-осеннему пусто и сиротливо было в полях. Сиротливо дремали на кочках кроткие хохлатые жаворонки. Вяло и терпко пахло картофельной ботвой, горько тянуло откуда-то дымком... И землемер с певучей грустью смотрел на сероватые поля, над которыми уже реял чуть серебристый и, как всегда в засуху, рассеянный лунный свет.

"Любопытно, однако, знать, - подумал он, - что это со мною сегодня? Чего это я так разболтался и болезненно развеселился у Стоцкого? Положим, не был дома уже две недели, устал как собака, дел переделал кучу... Может быть, от водки? Но много ли было выпито? Сущий вздор, две-три рюмки... Что же в таком случае?"

Лошади стали: шлагбаум на переезде через линию был опущен, - нужно было слезать и стучать в будку.

Спокойный, бесцветный свет запада еще отражался в окне будки, и будка показалась землемеру необитаемой, почти страшной с этим тусклым блеском стекол и тишиной вокруг.

"Переезжать ли?" - подумал он.

Можно было переехать тут и держать путь на Егорьево, на Каменку... Можно и возле следующей будки: тогда дорога пойдет по опушке Дубровки, а потом по глухим лугам на Ястребиный Колодец...

И землемер остановился в нерешительности. Но послышался ровный, медленный скрип телеги. И, взглянув направо, землемер увидел в легком лунном сиянии большую белую лошадь, - старую, седловатую, в гречке, с отвислыми губами. Череп ее был огромен; пук соломы, засунутый под узду, дико торчал возле правого полуприкрытого глаза.

- Куды прешь! - крикнул землемер, замахиваясь кнутовищем.

Но лошадь и ухом не повела. Звонко хрипя от запала, она прошла возле самого его плеча, а за нею показалась скрипучая телега, пахнувшая дегтем и рогожей. Лохматый рыжий мужик, в распоясанной красной рубахе, лежал в телеге вниз лицом.

- Эй, дядя! - шутливо крикнул землемер дрогнувшим голосом. - Ай помер?

Но мужик не поднял головы, не отозвался на крик.

И землемер, уже не раздумывая, ударил правой вожжой. Тележка чуть не перевернулась от крутого поворота и шибко покатила возле линии, за которой неясно серебрилось над полями лунное сияние.

По-прежнему на душе было и хорошо, и грустно, и тревожно... Все благополучно, все слава богу, но чего-то недостает... людей, может быть, жилья, приятеля... Хотелось петь, рассказывать свою жизнь... Спросить кого-нибудь: что же наконец будет на том свете что-нибудь или нет? Райские яблочки и черти в неугасимом пламени, конечно, вздор... Но ведь вздор и полное исчезновение. Зачем родился? Зачем рос, любил, страдал, восхищался? Зачем так жадно думал о боге, о смерти, о жизни?

- Зачем, позвольте вас спросить? - сказал землемер вслух.

Существовать на том свете и в теперешнем виде он, конечно, не будет. Ибо, если он будет существовать, значит, и эти лошади будут существовать... и мириады мириад всех прочих лошадей, зверей, птиц, жучков, несметных мошек... Но и бесследно исчезнуть он не может. Он этому никогда не верил. Истомлен заботами, работой, частыми припадками удушья, а жить, сохранить себя хочет жадно. И поминутно трепещет за свою жизнь, во всем чует тайну, враждебность... Лунный свет в пустынных полях, тишина, темный камень вдали, коренник, который вдруг насторожит уши, - все страшно. Днем, когда вспоминаешь, просто, незначительно, а ночью - страшно...

"Это как васильки, - подумал землемер. - Днем синие, а погляди вечером, при лампе, - лиловые".

- Пи-пи-пи! - тонко и хищно зазвучало вдруг где-то вверху, в рассеянном лунном свете.

Землемер оглянулся, увидел поле, телеграфные столбы, тусклый блеск, бегущий навстречу ему по рельсам, - и на душе стало еще тревожнее. Этот писк, писк кобчика или совки, затерявшийся в лунном